

КОШКИ-МЫШКИ (Женщины. Вариант.)

Скандал без антракта

Действующие лица:

Татьяна, 50 лет.

Тамара, младшая сестра Татьяны, 48 лет.

Елена, 25 лет.

Действие происходит в Москве в наши дни.

История выдумана. Совпадения случайны.

На сцене — гостиная просторной московской квартиры. На стенах висят большие фотографии красивой женщины в разных костюмах — очевидно, портреты актрисы, живущей в этой квартире.

На высокой тумбе стоит клетка для птиц, накрытая шелковым платком. Раздается скрипящий голос попугая, который произносит:

— Таня любит Тому! Тома любит Таню! (Пауза.) Таня любит Тому! Тома любит Таню!

В комнату входит женщина в халате. Ее волосы повязаны платком, а лицо покрыто косметической маской. В руках у нее — листы бумаги. Женщина подходит к клетке, заглядывает под платок.

— Ты чего не спишь? Спи! Светло? Сейчас, еще прикрою.

Положив бумаги на стол, женщина достает из шкафа еще один платок и набрасывает на клетку поверх первого. Затем, взяв листы, садится в кресло и начинает читать вслух.

— "Давно не писала. Не было места и времени. А сейчас — нашлось. Представляешь, я на курорте. Здесь все пьют воду, потом много гуляют. Снова пьют воду и снова гуляют. Карловы Вары. А когда-то называли — Карлсбад. Почти по-шведски.

Я приехала сюда после того, что случилось. Хотя то, что случилось, трудно назвать — "что-то случилось" ... Говорят, неприятности легче переживать на Карибах, но до них я не добралась. Во-первых, далеко. А во-вторых, врачи рекомендовали попить водички, которая якобы вымывает соли и даже камни. Может быть. Подтвердить это пока не могу.

Со мной здесь пытаются знакомиться. Я вежливо улыбаюсь, произно-

шу что-то вроде "Да-да, конечно, но сегодня я, увы, занята". Одного господина из Гамбурга это не смутило, и он продолжает свои попытки уже четвертый день. Ты знаешь, он не так неприятен, как бывают неприятны зануды. Но это ничего не меняет.

...Я уже пять дней не курю. И ты не поверишь — не тянет. Помнишь притчу? Жил человек, курил много. Так и умер с сигаретой в руке, не успев прикурить. Попал в рай. Но сигарету выбрасывать жалко, а в раю не прикуришь. Заскочил на минутку в ад. Спрашивает у чертей: "Ребята, где тут прикурить можно? Что-то я огня не вижу". Те смотрят с удивлением и отвечают: "А ты что — не знал? В аду огня нет". — "Как — нет? Ад — и без огня?" — "А сюда каждый со своим приходит", — отвечают черти. И смеются. Нехорошо смеются...

А ты представь себе, как еще черти могут смеяться... Жизнерадостно?

Так вот, я свой огонь минеральной водичкой тушу. В надежде, что погаснет. Пока не получается..."

Женщина откладывает бумаги, берет пульт и включает телевизор.

Слышен мужской голос:

— Мы с Валентин Ивановичем еще в Самаре познакомились. То есть тогда это был Куйбышев. Мы с ним в "Женитьбе" играли. Он — Подколесина, а я — Кочкарева. Прекрасно играл! Особенно финальную сцену...

Женщина переключает на другой канал. Звучит голос диктора:

— ...исполняется пятьдесят лет замечательному артисту театра и кино, режиссеру, народному артисту России заслуженному деятелю искусств Валентину Ивановичу Платонову. Чествование юбиляра состоится в театре, где Валентин Иванович работает уже двадцать пять лет. Поздравить именинника придут министры, мэр города, руководители других театров.

Женщина снова переключает канал. Звучит голос:

— ...Валентин Платонов и Людмила Пронина. Этот семейный дуэт блистает на сцене в спектаклях по пьесам Горького, Шекспира, Ростана. Критика высоко оценила Роксану в исполнении Людмилы Прониной. Кстати, недавно ей присвоили звание народной артистки России...

Раздается звонок мобильного. Женщина берет телефон:

— Алло! Сейчас, ничего не слышно. *(Берет пульт, выключает телевизор. Женщина продолжает говорить по телефону.)* Привет! Жду тебя, что еще?.. Да, целый день... Про то, как вся культурная общественность в едином порыве отмечает день рождения Валентина Ивановича. На всех каналах... Как будто говорить больше не о чем... Кстати, опять звонили. Из "Комсомольца". Этих интересуется, что чувствует бывшая жена юбиля-

ра в этот радостный день... Да всех посылаю... Ты когда приедешь? Слушай, а где твоя массажистка? Как ее... Надежда Михайловна? (*Смотрит на часы.*) Так уже четыре. (*Пауза.*) Приезжай поскорее. Пробки безумные, а в посольство опаздывать не принято... Ты со Славиком говорила? Отключился? Или говорить не хочет? Ладно, я его сама наберу.

Женщина подходит к клетке, заглядывает под платок.

— Гоша, спокойной ночи!

Раздается звонок в дверь. Женщина смотрит на часы и выходит из комнаты. Возвращается вместе со скромно одетой молодой женщиной. Та останавливается на пороге комнаты и рассматривает один из портретов.

МАССАЖИСТКА: Ой! Это же вы в "Чайке", да? Я два раза была на спектакле — и оба раза стояла. В зале — битком!

ХОЗЯЙКА: Извините, что я так... мне маску только через полчаса смывать. А почему Надежда Михайловна не пришла?

МАССАЖИСТКА: Гриппует, температурит. Она разве не предупредила, что я вместо нее приеду?

ХОЗЯЙКА: Нет. Как вас зовут?

МАССАЖИСТКА: Лена. (*Достает из сумки медицинский халат, надевает его поверх кофточки, одновременно разглядывая фотографии. Восхищенным голосом.*) А это вы — Гертруда? Знаете, я на вашего "Гамлета" так и не попала. Один раз взяла билет — а спектакль отменили. Такой облом... (*Рассматривает висящую среди фотографий картину. На полотне изображена овечка.*) Какая прикольная... Кто это?

ХОЗЯЙКА: Овечка.

МАССАЖИСТКА: Я об авторе.

ХОЗЯЙКА: Не помню.

МАССАЖИСТКА (*подходит к картине ближе, внимательно рассматривает ее*): Интересная работа... Только не могу понять, что мне в ней нравится...

ХОЗЯЙКА: Леночка, если можно, давайте начнем. Мне через час на прием в посольство ехать...

МАССАЖИСТКА: Да, конечно. Тамара Леонидовна, где можно руки вымыть?

ХОЗЯЙКА: По коридору, дверь справа.

МАССАЖИСТКА: Вы пока раздевайтесь. Что у вас? Спина, поясница?

ХОЗЯЙКА: А вам Надежда Михайловна не сказала? Странно. У меня шея. Остеохондроз.

МАССАЖИСТКА: Тогда освобождайте ее и садитесь. Давайте вот сюда.

Массажистка берет один из стульев, стоящих у стола, ставит в центре комнаты и выходит. Хозяйка садится, но в эту секунду раздается телефонный звонок, и она идет к телефону, который стоит на столе. Снимает трубку.

ХОЗЯЙКА: Алло! *(Пауза. Продолжает сухо.)* Нет. Никаких интервью. *(Резко, повывисив тон.)* Девушка, я же вам по-русски говорю — нет. Все интервью идите и берите в театре, у Валентина Ивановича и его молодой одаренной супруги.

Она кладет трубку, садится на стул, расстегивает верхние пуговицы халата и спускает его с плеч.

Входит Массажистка. Она достает из сумки тюбик, выдавливает крем на ладони, растирает его. Одновременно прохаживается по комнате, подходит к клетке, накрытой платком.

МАССАЖИСТКА: Ой, у вас птица? *(Присев, пытается заглянуть под платок.)*

ХОЗЯЙКА: Осторожно, не разбудите. Раскричится... Попугай.

МАССАЖИСТКА: Говорящий?

ХОЗЯЙКА: Не умолкающий...

МАССАЖИСТКА: Наверное, когда вы роли учите, за вами повторяет?

ХОЗЯЙКА: Нет. Наверное, не успевает запомнить.

Лена приподнимает уголок платка, из клетки тут же доносится:
"Тома любит Таню!"

МАССАЖИСТКА: Ой... Сорри. *(Отходит.)* А что он еще говорит?

ХОЗЯЙКА: Иногда кричит: "Дурацкое кино!" и "Закрой форточку!"

МАССАЖИСТКА: Интересный репертуар...

ХОЗЯЙКА: А еще он по-французски умеет. Шерше ля фам, например... Его из Гвинеи привезли.

МАССАЖИСТКА *(подходит к Хозяйке и мягкими осторожными движениями начинает массировать ей шею и плечи):* Я читала: маленькие попугайчики лет десять-пятнадцать живут, а говорящие — до ста лет.

ХОЗЯЙКА: Если лишнего не сболтнут...

МАССАЖИСТКА: Для них же слова — просто звуки. Смысла они не понимают.

ХОЗЯЙКА: Вы уверены? Иногда они эти звуки очень к месту производят.

МАССАЖИСТКА: Это только кажется... Вот здесь не больно?

ХОЗЯЙКА: Немножко. Больше справа тянет...

МАССАЖИСТКА: Соли, соли... Вы плечо греете?

ХОЗЯЙКА: Конечно! Пока не намажу — не усну!

МАССАЖИСТКА: Чем?

ХОЗЯЙКА: Вон лежит, на столике...

Массажистка подходит к столику, рассматривает стоящие на нем баночки и тюбики. Возвращается к Хозяйке, продолжает растирать ей шею.

МАССАЖИСТКА: Можно и этим. А мази со змеиным ядом не пробовали?

ХОЗЯЙКА (*смеется*): Звучит устрашающе.

МАССАЖИСТКА (*тоже смеется*): Лекарство от яда лишь дозой разнится... Я вам потом название запишу, и как мазать... Кстати, я в журнале читала, Джулия Робертс так лечилась...

ХОЗЯЙКА: Вы читаете такие журналы?

МАССАЖИСТКА: Иногда. Чаше про всякие диеты... Кто как фигуру держит.

ХОЗЯЙКА: У вас разве проблемы? (*Пытается обернуться, но Лена сильнее разминает ей плечо.*) Не заметила.

МАССАЖИСТКА: Пока нет. Но думать об этом надо до, а не после. Как Алла Борисовна, например...

Звонит мобильный. Хозяйка вертит головой в поисках телефона.

ХОЗЯЙКА: Ой, Леночка, подождите минутку. (*Встает, берет со стола мобильный, отвечает.*) Алло! Да, я звонила. Не мог?... Ясно. (*Пауза.*) Куда? Значит, все-таки пойдешь? Ну, ты мальчик взрослый, тебе решать. Кстати, приготовься интервью раздавать. Журналисты просто взбесились. У них ко всем вопросы... К жене бывшей, к жене нынешней... Могли бы — у попугая интервью взяли... Так что — будешь рассказывать, что чувствует сын выходящегося папы в этот день... А с кем идешь? (*Пауза.*) Да, меня это волнует. И не груби. (*Пауза.*) Раз спрашиваю, значит, важно. (*Пауза.*) Слава! Можешь ответить нормально? Ты что — намерен идти со своей журнашлюшкой? С ума сошел? (*Пауза.*) Да, не знаю ее, и знать не хочу! Министры будут... Мэр... с бочонком меда... Пресса, телевидение! И ты... непонятно с кем? (*Пауза.*) Вот когда разведешься, тогда и ходи, с кем хочешь. (*Пауза.*) Ты бы у отца своего чему-то хорошему научился, а не скандалам. (*Отключает телефон, садится на место.*) Маленькие дети спать не дают, большие — жить...

МАССАЖИСТКА: Тамара Леонидовна, расслабьтесь! Вас трясет! Я так ничего сделать не смогу...

ХОЗЯЙКА: Ну, юбилей отца — понятно. В конце концов, это их отношения. Хотя, когда муж бросает жену после пятнадцати лет ради какой-то соплюхи, сын мог бы пожалеть мать и не ходить. Так мало того, что идет, — он туда собрался со своей новой подружкой!

МАССАЖИСТКА: У него их много?

ХОЗЯЙКА: Да нет, нашлась одна... Уводит из семьи. А у него ребенок маленький... Хищница!

МАССАЖИСТКА: Красивая?

ХОЗЯЙКА: Понятия не имею... И что значит — красивая? Разве это главное?

МАССАЖИСТКА: А может, они с женой разлюбили друг друга.

ХОЗЯЙКА: Все друг друга любят... пока третий не появляется.

Пауза.

МАССАЖИСТКА: Не волнуйтесь... (*Пауза.*) А еще говорят, что актеры в жизни — совсем без эмоций. Только на сцене страсти. Я читала... извините... что из вас слезинки не выдавишь. Что вас трудно достать.

ХОЗЯЙКА: Нет. Почему же?.. Я живой человек. Но у меня есть способ. Когда в душе накопится — надо чашку разбить. Или бумагу рвать на мелкие кусочки. Возьмешь газету... А еще лучше — журнал, глянецвый... И рвешь его, рвешь — на мелкие клочки, пока пальцы не устанут. И стресс уходит...

МАССАЖИСТКА: Простите, что спрашиваю, но... Вы на последние спектакли Платонова ходили?

ХОЗЯЙКА: Нет. Уже лет десять не хожу.

МАССАЖИСТКА: А я ходила. По-моему, он стал хуже играть. По клавишам не попадает. Мне кажется, что десять лет после того, как вы... Он играет самого себя, а не роли. А спектакли только для нее делает. Как в "Театральном романе". Есть для Милочки роль — ставит, нет — не ставит.

ХОЗЯЙКА: Леночка! В театр ходите, Булгакова читаете... Вы какая-то необычная массажистка. Вот Надежда Михайловна только сериалы смотрит. Каждый раз, пока массаж делает, серий пять рассказать успевает.

МАССАЖИСТКА: Сериалы? Мыло! Я театр люблю. (*Пауза.*) Тамара Леонидовна, сейчас разное печатают... Многие считают, что вы Валентина Ивановича до сих пор... как бы... любите. (*Пауза.*) Или не можете простить?

ХОЗЯЙКА: Измену простить можно. Предательство — никогда.

МАССАЖИСТКА: А в чем разница?

Раздается сигнал мобильного — главная тема мюзикла "Призрак оперы".

ХОЗЯЙКА (*прислушивается*): Лена, кажется, вас призрак ищет.

МАССАЖИСТКА: Я же, вроде, отключала... Сорри.

Она поворачивается к сумке, которая лежит на полу возле кресла, и наклоняется к ней. Из кармана халатика на пол падает диктофон.

Хозяйка поворачивается на стук. Смотрит на упавший предмет. Пауза.

Мелодия продолжает звучать. Лена хочет взять диктофон, но Хозяйка успевает первой поднять его.

Музыка прекращается.

ХОЗЯЙКА: Как это понимать? Вы кто? Массажистка? С диктофоном? Он помогает соли разгонять? *(Не отворачиваясь от Лены, пятится к письменному столу, нащупывает один из ящичков, открывает его и вынимает пистолет.)*

МАССАЖИСТКА: Тамара Леонидовна, вы что! Подождите...

ХОЗЯЙКА *(не выпуская пистолет, подходит к телефону, снимает трубку):* Я сейчас милицию вызову. Знаете, что полагается за незаконное проникновение в квартиру?

МАССАЖИСТКА: Не надо, я вам все объясню!

ХОЗЯЙКА: Вы кто? Аферистка? Воровка?

МАССАЖИСТКА: Я работаю в медицинском центре, делаю массаж. Хожу в театр, мечтала с вами пообщаться. А тут Надежда Михайловна заболела и попросила подменить.

ХОЗЯЙКА: А диктофон зачем?

МАССАЖИСТКА: Подруга в газете работает. Сказала: если получится разговорить вас на кассету, — хорошо заплатят.

ХОЗЯЙКА: Как же это можно? Разговаривать по душам, вопросы задавать — а потом торговать этим?! Совести у вас нет! Убирайтесь!

Массажистка снимает халат, сворачивает его, убирает в сумку.

МАССАЖИСТКА: Не напрягайтесь, уйду. Только у меня последний вопрос — без диктофона. А у вас с совестью все нормально? Вы, значит, жертва предательства? Возмущаетесь, что ваш сын собирается развестись и бросает ребенка. А когда двадцать пять лет назад вы увели Платонова от беременной жены? Как тогда у вас было с совестью и порядочностью?

ХОЗЯЙКА: Я?.. Платонова??? Где? У кого? *(Опускает пистолет.)*

МАССАЖИСТКА: У моей матери. В Куйбышеве. Когда приехали в наш город на гастроли.

ХОЗЯЙКА: Деточка, вы что-то путаете! Он не был женат.

МАССАЖИСТКА: Был. Гражданским браком. И вы прекрасно об этом знали.

ХОЗЯЙКА: Чуть!

МАССАЖИСТКА: А письмо, которое вы маме из Москвы прислали, когда Платонов к вам уехал? Тоже чуть? Хотите, прочту? *(Достает из сумки сложенный листок, разворачивает, читает вслух.)* "Маша! Я очень прошу — не звоните в театр. Вы же хотите Валентину счастья? С его

талантом ему нечего делать в провинции. В вашем Куйбышеве он сопьется. А здесь состоится как актер. Мы с Валею любим друг друга, оставьте нас в покое. Тамара". (*Протягивает листок Хозяйке.*) Почерк у вас с возрастом не изменился? Узнаете?

Хозяйка перечитывает записку.

ХОЗЯЙКА: Странно. Очень странно...

МАССАЖИСТКА: Тамара Леонидовна, иногда мы неправильно оцениваем масштаб события.

ХОЗЯЙКА: Ошибаетесь. Мы никогда — слышите? — ни-ког-да не можем правильно оценить масштаб события... И что было дальше? Ваша мама сделала аборт?

МАССАЖИСТКА: Нет. Родила ребенка.

ХОЗЯЙКА (*с иронией*): Мальчика, девочку?

МАССАЖИСТКА: Как видите, девочку.

ХОЗЯЙКА: А Валентин Иванович знает о существовании наследницы?

МАССАЖИСТКА: Пока нет.

ХОЗЯЙКА: Дорогая, а вы не сочиняете? Только что были массажисткой. Потом оказались немножко журналисткой. Теперь — незаконная дочь известного человека. Вы навязчивыми идеями не страдаете? У меня знакомый — зав. отделением в психлечебнице. Может, вам не милицию, а санитаров вызвать? Чего вы хотите? Интервью взять? Или наследство получить? Так это — не ко мне. С этим — в театр. К вашему, как вы утверждаете, отцу. И анализ ДНК не забудьте.

МАССАЖИСТКА (*смотрит на часы*): В театр только к семи. Успею.

ХОЗЯЙКА: А от меня что вам надо?

МАССАЖИСТКА: Что надо?.. Честно? Ну, если честно, Тамара Леонидовна, я журналистка. Работаю... в одном журнале. Который в связи с юбилеем Платонова готовит материал "Неизвестное об известном". А какой материал без разговора с его первой женой?.. Официально вы отказали. Наше издание в таких случаях ищет... так сказать, обходные пути. Выяснили, что к вам регулярно ходит массажистка. Договорились, что я ее подменю. Я на самом деле окончила курсы массажа, когда еще в институте училась. И вообще — интересно было на вас посмотреть. Послушать, что скажете. Я, может, всю жизнь мечтала к вам вот так близко подойти, в глаза посмотреть. Руками к вам прикоснуться. (*Улыбается.*) За горло... простите... за шею подержать.

Хозяйка снова снимает трубку телефона.

МАССАЖИСТКА: Да шучу я, шучу! Тамара Леонидовна, не звони-

те никуда. Подождите, я вам удостоверение покажу! (*Роется в сумочке, достает удостоверение, протягивает Хозяйке. Та издалека пытается рассмотреть. Массажистка кладет "корочку" на стол и отходит в сторону. Хозяйка приближается и рассматривает документ.*)

ХОЗЯЙКА: Да... Самый скандальный журнал из тех, что я знаю. Степанова — это фамилия вашей матери?

МАССАЖИСТКА: Фамилию моей матери вы прекрасно знаете. А Степанов — мой бывший муж.

ХОЗЯЙКА: Ясно. (*Протягивает удостоверение Массажистке.*) А чем ваша мама сегодня занимается?

МАССАЖИСТКА: Тем же, чем и раньше, — в театре играет.

ХОЗЯЙКА: А вы почему в театральное не пошли? Такой талант перевоплощения!..

МАССАЖИСТКА: Не хочется. Насмотрелась... (*Декламирует.*) Театр, сцена, Мельпомена... А на самом деле... вы в курсе.

ХОЗЯЙКА: Про театр — я в курсе. А ваш журнал напоминает веревку, на которой грязное белье развешивают.

МАССАЖИСТКА (*берет сумку*): Ладно, я пойду. Извините, что так вышло.

ХОЗЯЙКА: Я вас не извиняю. Посидите-ка. (*Кладет руку на пистолет.*) Давайте я, пользуясь случаем, у вас интервью возьму... Без диктофона. Что еще неизвестного узнал ваш уважаемый журнал... про известного?

МАССАЖИСТКА: Материал выйдет — я вам обязательно экземпляр передам.

ХОЗЯЙКА: Это я вас сейчас передам — в милицию. Рассказывайте, пока я не позвонила. Поделитесь, что вы там (*с сарказмом*) на родителя накопили? В чем смысл вашего материала? Облить Валентина грязью? Осмыслить его творческий путь? Или сделать больно ему и близким — и этим поднять тираж?

МАССАЖИСТКА: Каждый зарабатывает, как умеет. Народ хочет знать, как знаменитости выбирались из грязи. Мелочи, детали... То, что роднит простых людей с теми, о ком каждый день говорят. Нашей аудитории на Гамлета в исполнении Платонова, по большому счету, плевать. Им интересно, как он повел сына в детский сад в тапочках. Когда на улице было минус двадцать.

ХОЗЯЙКА: Ну-у... Нашли сенсацию! Этот жареный факт вам тираж не поднимет...

МАССАЖИСТКА: Да? А то, что Валентин Иванович одно время пил по-черному? Вы как-то на гастроли уехали... А у Платонова запой. И ему чудится, что вы в соседней комнате. И не одна... Он молоток схватил

и ищет вас по всей квартире. Потом глюки начались, что вы у соседа, — и голос ваш слышно. Он — туда, но соседа, к счастью, дома не оказалось. А Славик не растерялся. Ему лет пятнадцать было, если не ошибаюсь... Пока Платонов к соседу ломился, Славик звякнул в "скорую", все объяснил, ему дали номер, по которому "психушку" вызывают. Отцу сказал, что аппендицит болит... Чтобы тот, увидев белые халаты, не порубил санитаров на капусту. В общем, забрали Валентина Ивановича. Ну, потом... вы в курсе. Он полгода с сыном не разговаривал — обижался, что тот родного отца в дурдом сдал. Правда, с водкой завязал. И если бы не муж вашей сестры, который всю эту историю замял... бескорыстно, конечно... Была бы Валентину Ивановичу... и белка, и свисток. То есть белая горячка была. А вот от "свистка" Сергей Андреевич отмазал.

ХОЗЯЙКА: Странно, очень странно. Откуда вы об этом знаете?

МАССАЖИСТКА: Из первоисточника.

ХОЗЯЙКА: От Вали?

МАССАЖИСТКА: Нет, от Славика.

Пауза. Хозяйка подходит к бару, открывает его, Достает бутылку вина и штопор. Зажав пистолет под мышкой, открывает бутылку. Достает бокал, наливает вино, делает несколько жадных глотков. Поворачивается к Массажистке.

ХОЗЯЙКА: Так вы — та самая журналистка, с которой он...
Массажистка кладет штопор на стол.

МАССАЖИСТКА: Да. Та самая журнашлюшка.

Хозяйка делает еще глоток.

ХОЗЯЙКА: Извините, что не предлагаю. (*Ставит бокал на стол.*)
Милая, а вам и в самом деле нужен психиатр. По вашей версии, вы за своего сводного брата замуж собрались.

МАССАЖИСТКА: С чего вы взяли?

ХОЗЯЙКА: Ну, Славик же объявил жене, что разводится! Что у него большая любовь!

МАССАЖИСТКА: С чего вы взяли, что мы с ним — брат и сестра? Вы-то знаете, кто его отец! Ну уж точно — не Валентин Иванович!

ХОЗЯЙКА: Что??? Это вам тоже Славик рассказал?

МАССАЖИСТКА: Да нет. Тут Славик не в теме. Он думает, что его отец — Платонов.

ХОЗЯЙКА: А на какой же помойке вы нашли эту сплетню?

МАССАЖИСТКА: Тамара Леонидовна! Какая сплетня?! Мы с вами здесь тет на тет, диктофон отключен... Как же Славик может быть сыном

Платонова, если вы с Валентином Ивановичем познакомились на втором месяце беременности?

ХОЗЯЙКА: Милочка, Славик родился семимесячным. Знаете, у актрис это нередко случается. Работа нервная. Сенсации вы тут не откопаете.

МАССАЖИСТКА: А я откопала. Вашу карточку. В женской консультации. А там записано... Хотите посмотреть?

ХОЗЯЙКА: Что посмотреть?

МАССАЖИСТКА: Карточку. Точнее — копию. Оригинал в сейфе. И в ней записано, что врач определил беременность. Шесть недель. И было это за неделю до гастролей вашего театра в Самаре. Где вы и познакомились с артистом Платоновым. Вот, посмотрите. *(Лезет в сумочку и протягивает Хозяйке листок бумаги.)* Случайно в сумочке оказался. А вот еще — копия гастрольной афишки. Как говорится, все ходы записаны. Так что препятствий медицинского характера у нас со Славиком — нет.

ХОЗЯЙКА: Совести у вас нет!.. вместе с препятствиями. Что вы мне какую-то фальшивку подсовываете! Сейчас вам кто угодно на старом бланке корявым почерком пару строк нацарапает — лишь бы вы в журнале эту историю раздули. Вам все равно, что сочинить, лишь бы жареным пахло!

МАССАЖИСТКА: Допустим. Но врач-то жива-здоровая. И в отличие от вас, почерк свой отлично узнает. Хотя столько лет прошло.

ХОЗЯЙКА: И сколько стоит такая "медицинская" услуга? Я понимаю — врач районной консультации, на пенсии... Ей сто долларов — за счастье.

МАССАЖИСТКА: Она — доктор наук. Главврач. Даже если вы ей сто тысяч предложите, — она все равно будет говорить то, что было на самом деле.

ХОЗЯЙКА: Странно. Очень странно...

МАССАЖИСТКА: А чего странного? Все должны быть бедными пенсионерами? А кто-то и в академики вышел. Я понимаю, вы к ней больше не ходили, — когда в Москву с Платоновым вернулись, уже к другому врачу пошли. А она вас, кстати, вспомнила. Говорит: "Такая красивая женщина была. Нервничала очень... Артистка. Я ее потом по телевизору видела".

Раздается телефонный звонок. Хозяйка снимает трубку.

ХОЗЯЙКА: Да. Нет. Какое интервью?! У меня тут пресс-конференция! *(Бросает трубку. Подходит к столу, наливает еще бокал вина, вытирает его залпом.)*

ХОЗЯЙКА: Простите, что не предлагаю. Вы же на работе, при исполнении? Вам пить нельзя.

МАССАЖИСТКА: Не отказывайте себе в удовольствии — не предлагайте.

ХОЗЯЙКА (*ставит бокал на стол*): А роман со Славиком ты тоже по заданию редакции закрутила?

МАССАЖИСТКА: Спасибо, что перешли на ты. Это сближает... По-семейному... Жаль, что без брудершафта.

ХОЗЯЙКА: Я тебя про Славика спросила.

МАССАЖИСТКА: Познакомилась — по заданию.

ХОЗЯЙКА: А роман?

МАССАЖИСТКА: По личной инициативе.

ХОЗЯЙКА: Ну, мисс Марпл, и кто же, по-твоему, отец Славика?

МАССАЖИСТКА: Сорри, как вы меня назвали?

ХОЗЯЙКА: Ты что — Агату Кристи не читала?

МАССАЖИСТКА: Читала. Разве я похожа на старушку?

ХОЗЯЙКА: А тебе сколько?

МАССАЖИСТКА: Тамара Леонидовна! Задача для первого клас-са... Столько же, сколько и Славiku. Он меня старше всего на неделю... А отец Славика старше Валентина Ивановича лет... на пятнадцать. Или как? На четырнадцать?

ХОЗЯЙКА (*нервно смеется*): У тебя неистощимая фантазия. На-важдение какое-то... Кто же, по-твоему, отец?

МАССАЖИСТКА: А это — кульминация неизвестного об известном! На это у меня ушло два месяца. Но результат — супер! Вы знаете, мне даже интересно, что вы повторяете этот вопрос. Вы-то сами отлично знаете, кто отец. Значит, вас волнует, знаю ли об этом я? И еще кто-то. Или не знает... Та-мара Леонидовна, винца не нальете? Что-то в горле пересохло. Говорю много.

ХОЗЯЙКА: Я представляю, как у тебя после вина фантазия вызы-рает, если ты на трезвую такое несешь.

МАССАЖИСТКА: А если угадаю — нальете?

ХОЗЯЙКА (*берется за пистолет*): Считаю до трех.

МАССАЖИСТКА: Убийство при отягчающих обстоятельствах.

ХОЗЯЙКА: Чем это они отягчающие? В Америке говорят: "Убил — за-тащи труп в свой дом". Жилище — неприкосновенно. Зашла — увидела во-ровку — разнервничалась... Тут — смягчающие, а не отягчающие. Так что луч-ше рассказывай. Пока мне еще интересно слушать. Так кто же отец Славика?

МАССАЖИСТКА (*делает глубокий вдох, и на выдохе произносит*): Сергей Андреевич, муж вашей сестры.

ХОЗЯЙКА (*смеется*): Ну ты с ума сошла!

Неожиданно выходит из комнаты. Массажистка недоуменно смотрит ей вслед. Через несколько секунд Хозяйка возвращается с утигом в руках.

ХОЗЯЙКА: Не бойся. Я им платье буду гладить. Хотя... следовало бы... Она ставит утюг на стол. Достает из шкафа платье, раскладывает гладильную доску. Включает утюг.

А это тебе Сергей Андреевич рассказал? Или профессор Федорова при зачати присутствовала? Со свечкой...

МАССАЖИСТКА: Сергей Андреевич, мне этого, увы, рассказать не мог. Поскольку ушел из жизни. И профессор Федорова здесь ни при чем. Но — свидетели нашлись.

ХОЗЯЙКА: Свидетели чего?

МАССАЖИСТКА: Вашего романа. В Юрмале. За шесть недель до посещения врача.

ХОЗЯЙКА: Я в Юрмале никогда не была! Хотела — но все не складывалось.

Хозяйка начинает гладить платье.

МАССАЖИСТКА: Ну как же, Тамара Леонидовна! Забыли? Восемьдесят третий год. Борьба за трудовую дисциплину, рейды по кинотеатрам и парикмахерским. Я про это только читала, но вы-то должны помнить? Тогда с отпусками и отгулами строго было. Вы в театре взяли отпуск за свой счет, на пять дней. Все нормально. А потом в театр пришла телеграмма из Юрмалы. И в ней вы просите продлить вам отпуск еще на пять дней — в связи с ухудшением состояния здоровья. Вам отпуск дали. Вспомнили? "Почерк" у всех телеграмм одинаковый, но — тем не менее... Вот фотокопия.

ХОЗЯЙКА (продолжает гладить платье и не глядит на листок, который протягивает массажистка): Странно, очень странно. Ну и что?

МАССАЖИСТКА: Да ничего странного, в общем-то... Поехала я в Юрмалу. Вдруг узнаю, с кем же это вы в Прибалтике болели, а через месяц с лишком в консультацию пришли?... Думала, легко все выясню: телеграмму вы отправили из гостиницы "Юрмала", там почтовое отделение было. А латыши — они же педанты, аккуратисты... Короче — европейцы! У нас бы уже всё давным-давно выбросили! А они — хранят. И книгу записи постояльцев — тоже. Дали ее посмотреть. И я нашла!

ХОЗЯЙКА: Кого? Меня?

МАССАЖИСТКА: Почти Трегубову. Но не Тамару Леонидовну, а Татьяну. Сестру вашу. И жила она там не одна, а с мужем, Сергеем Андреевичем.

ХОЗЯЙКА (прекращает гладить, смотрит на Лену): Не понимаю...

МАССАЖИСТКА: Я расстроилась ужасно. Ну, жили они в отеле. А вы в это время отдыхали в Юрмале. Наверное, к сестре в гостиницу зашли, оттуда и телеграмму дали... Совпало. Но я из Юрмалы сразу не уеха-

ла, а позвонила в редакцию и попросила в Москве о сестре вашей справки новости. И оказалось, что она... Ой, Тамара Леонидовна, платье сожжете!

ХОЗЯЙКА (*замечает, что держит горячий утюг на ткани*): Да, спасибо. (*Переставляет утюг на подставку.*) И что сестра?

МАССАЖИСТКА: Она тогда работала в "Иностранной литературе". Переводчиком. Контора солидная, старые бумажки берегут. Нашли ее личное дело. А в нем — характеристика-рекомендация на командировку в Швецию. И срок указан — апрель восемьдесят третьего. Интересно получается: и в Швеции в командировке, и в Юрмале с мужем...

ХОЗЯЙКА: Подождите, я не понимаю, к чему вы клоните?

МАССАЖИСТКА: Да к тому, что Татьяна Трегубова в апреле восемьдесят третьего года на самом деле гуляла по Стокгольму. А в Юрмале в одном номере с Сергеем Андреевичем жили вы.

ХОЗЯЙКА: Это невозможно. Тогда не расписанных вместе не селили!

МАССАЖИСТКА: Да. Но у вас с сестрой фамилии одинаковые... Ни вы, ни она фамилии мужей не взяли.

ХОЗЯЙКА: Но имена-то разные?

МАССАЖИСТКА: Разные. Но вы же — актриса. Думаю, что-то сочинили. Например, разрыдались и сказали, что паспорт у вас украли. А удостоверение осталось. У Сергея Андреевича в паспорте — штампик, что зарегистрирован брак с гражданкой Трегубовой. А у вас паспорта нет. И штампика нет. Зато есть удостоверение с фамилией. А инициалы совпадают...

ХОЗЯЙКА: Этого не может быть. Потому что не может быть никогда. (*Снова начинает гладить платье, повторяя с сарказмом.*) "Наверное, сказала, что потеряла паспорт"... "Может быть, расплакалась"... Чуть!

МАССАЖИСТКА: Практически, вы правы.

ХОЗЯЙКА: Я просто права. Без "практически".

МАССАЖИСТКА: Не совсем. Конечно, читатель — не дурак, одних рассуждений о том, как вы вживались в образ сестры, ему мало. Надо бы проверить, поехала ли Татьяна в Швецию. Как? Искать старые гостиничные книги во всех гостиницах Стокгольма? Сложно и дорого. Но — мне повезло. Доказательства нашлись в Юрмале. (*Замечает, что Хозяйка опять замерла с утюгом в руках.*) Тамара Леонидовна, да выключите вы этот утюг!

Хозяйка ставит утюг на подставку, выдергивает шнур из розетки.

ХОЗЯЙКА: Какие доказательства?

МАССАЖИСТКА: Фотографии.

ХОЗЯЙКА: Какие?

МАССАЖИСТКА: Где вы с Сергеем Андреевичем за руки держитесь, на фоне Рижского взморья...

ХОЗЯЙКА: Дочка, ты сама поняла, что сказала? Если такая конспирация, да не с кем-нибудь, а с мужем родной сестры!.. Кто же фотографируется в такой ситуации?

МАССАЖИСТКА: На трезвую голову — никто. А вот если немного выпить... Да в прекрасном настроении... На свежем морском воздухе...

ХОЗЯЙКА: И что? Сергей Андреевич, который всю жизнь на дипломатической службе, эту карточку вместе с партбилетом в сейфе хранил?

МАССАЖИСТКА: Нет, я думаю, он ее никогда не видел. Как и вы. Кстати, хотите посмотреть?

ХОЗЯЙКА: На фотомонтаж?

МАССАЖИСТКА: Обижаете. *(Достает из сумки фотографию, протягивает Хозяйке.)* Мы — издание серьезное. У нас и негатив есть. Вы фотографа, конечно, не запомнили. Пожилой мужчина... Тогда был. А сейчас уже, можно сказать, старик. Видите — у вас за спиной ресторанчик? Этот фотограф и сейчас там работает. Классный дед. Местная знаменитость. Если у него фото сразу не забирали, он снимки и негативы не выбрасывал. Вдруг в следующий сезон приедут и захотят взять? У него трехкомнатная квартира, и одна комната — кладовая, где все это хранится. Вот так нам повезло... Да и ему тоже.

Хозяйка внимательно рассматривает фотографию.

МАССАЖИСТКА: Оставьте себе! Мы в редакции еще напечатаем. Если понадобится... Вы были красивой парой. Жаль, что у вас не сложилось.

ХОЗЯЙКА: Считаешь, что я хотела увести мужа у родной сестры?

МАССАЖИСТКА: Зачем уводить? Вы сами могли за него замуж выйти. Он же сначала с вами познакомился. На елке в МИДе — вы тогда в новогодней программе участвовали.

ХОЗЯЙКА: Откуда ты знаешь?

МАССАЖИСТКА: Славик рассказал, как вы с дядей Сережей познакомились, и он за вами ухаживал. Но сцену бросать вы не собирались, а какая семья у дипломата и молодой актрисы? Кто-то должен пожертвовать карьерой. Вы не хотели. И познакомили Сергея с вашей сестрой. Жена-переводчик для мужа-дипломата... Самое то! Они поженились. Мендельсон, хэпши-энд, все счастливы. Кто же знал, что через три года вы случайно встретитесь с Сергеем в Юрмале! Тамара Леонидовна, вы не похожи на коварную соблазнительницу, которая решила разрушить счастье сестры. Наверное, вам было одиноко, хотелось внимания, тепла... Так и случилось... *(Пауза.)* Вам не надоел рассказ о неизвестном про известного? Может, все-таки вином угостите?

Хозяйка подходит к шкафу, прячет фотографию в ящик, достает второй бокал и ставит на стол. Потом смотрит на часы.

ХОЗЯЙКА: Пойду маску сниму. (*Берет пистолет, выходит в прихожую, потом возвращается и прячет ключ в карман.*) Ты извини, я дверь заперла. На всякий случай. Так что, придется тебе меня дожидаться.

МАССАЖИСТКА: Вы в посольство не опоздаете?

ХОЗЯЙКА: Успеем. Я в посольство... ты — в театр... Кому где интереснее. *Хозяйка выходит в другую комнату. Массажистка берет мобилку, набирает номер.*

МАССАЖИСТКА: Ну что? Ты не передумал? Решение окончательное и обжалованию не подлежит?.. Жаль. (*Пауза.*) Я? На интервью. (*Пауза.*) Когда напечатают — узнаешь. (*Пауза.*) Пока.

Лена прячет мобильный телефон, прохаживается по комнате. Опять рассматривает картину с овечкой.

Входит Хозяйка — по-прежнему в маске. У нее в руках поднос, на котором стоит вазочка с печеньем и тарелка с сыром.

ХОЗЯЙКА: Я-то на прием, там фуршет, а вот тебе в театре еще три часа сидеть.

МАССАЖИСТКА: Вы же хотели маску снять.

ХОЗЯЙКА: Не время еще.

МАССАЖИСТКА: А вы знаете — я, наконец, поняла, что такого необычного в этой овечке. (*Показывает на картину.*) У нее глаза волчи.

ХОЗЯЙКА (*наливает вино в два бокала*): Разве?

МАССАЖИСТКА: Вглядитесь!

Хозяйка подходит к картине, смотрит на нее.

ХОЗЯЙКА: Действительно. Странные глаза. Хищные. Знаешь, все мы палачи или жертвы... В одном лице. Причем каждый из нас в каждой конкретной ситуации сам выбирает, кем ему быть, — волком или овечкой. А может, я ошибаюсь... (*Протягивает бокал Лене.*) Ну что? За знакомство? Не могу сказать, что приятное, но не скучное...

Не чокаются. Каждая отпивает из бокала. Закусывают печеньем.

МАССАЖИСТКА: Тамара Леонидовна, простите за бабский вопрос... А Сергей Андреевич знал о том, что Славик — его сын?

ХОЗЯЙКА: Остальные вопросы, по-твоему, были мужскими?

МАССАЖИСТКА: И все-таки?

ХОЗЯЙКА: Знаешь, я начинаю верить в то, что ты — дочь Валентина... Сочетание комсомольского нахальства и ослиного упрямства!

МАССАЖИСТКА: Правда? Вы реально считаете, что я на него похожа?

ХОЗЯЙКА: Практически. А вообще — Санта-Барбара какая-то...

МАССАЖИСТКА: Вот это хотелось бы на диктофон. Предъявить в редакции и потребовать надбавки. За талант перевоплощения.

ХОЗЯЙКА: Не поняла...

МАССАЖИСТКА: А что непонятного? Я Валентину Ивановичу не дочь. Моя мама не знакома с Платоновым.

ХОЗЯЙКА: Как же они работали в одном театре и не были знакомы?

МАССАЖИСТКА: Да не работали они вместе.

ХОЗЯЙКА: Я ничего не понимаю. Ты действительно сумасшедшая? Ненормальным алкоголь можно? (*Морщится и потирает шею.*)

МАССАЖИСТКА: В малых дозах — в любом количестве. С Платоновым в одном театре играла Мария Кудина. Которой вы письмо писали... А моя мама — инженер-строитель. И в Самаре-Куйбышеве никогда не была. Мы из Челябинска.

Долгая пауза.

ХОЗЯЙКА: Значит ты ВСЁ придумала?.. И про Славика?..

МАССАЖИСТКА: Не-е-ет. Придумала я только про себя. А вот про Славика — правда.

ХОЗЯЙКА: А про мужа?

МАССАЖИСТКА: Какого мужа?

ХОЗЯЙКА: Ну... это... (*Снова морщится, крутит шейю.*)

МАССАЖИСТКА: Болит? Тамара Леонидовна, давайте я закончу.

ХОЗЯЙКА: Рассказ?

МАССАЖИСТКА: Массаж.

ХОЗЯЙКА: Опять хочешь меня за горло взять?

МАССАЖИСТКА: Исключительно за шею, и очень нежно. Только пистолет уберите, ладно? Он же у вас не настоящий. В лучшем случае газовый. Потом целый день квартиру проветривать...

Хозяйка убирает пистолет в ящик шкафа. Затем садится на стул в центре комнаты, спускает халат с плеч.

МАССАЖИСТКА: Спасибо за доверие.

Лена начинает массаж.

ХОЗЯЙКА: Может, сейчас полегче станет... А то голова закружилась. Все перепуталось. Ты — не дочка своего отца, Славик — тоже не сын... своего папы. Картина, в которой Гамлет узнает, что он сын Клавдия... И все-таки — это правда?

МАССАЖИСТКА: Что конкретно?

ХОЗЯЙКА: Что Славик к тебе уходит.

МАССАЖИСТКА: Правда. А что такого? Нормальное дело. Люди женятся, много лет живут, потом разводятся... У вас было то же самое. Прожили вместе с Платоновым пятнадцать лет. Журналы ваши фото печатали, со Славиком — он на коленях у отца сидел. Папа-мама-я, образцовая семья! А потом поехал отец семейства с театром на гастроли — и встретил там молодую и красивую артистку. И привез в столицу, в свой театр. А она его через год увела. Вот так вышло: ваша история с Платоновым повторилась. Вы в провинции себе нашли мужа, он себе — жену. Круг замкнулся. Бывает... Да, жену жалко. Но если подумать, в вашем случае все законно. Жизнь отомстила. Сначала вы мужчину у другой женщины увели, потом его увели у вас...

ХОЗЯЙКА: Ну, хорошо. Я — такая. Сама его увела... А жена Славика здесь при чем? Она его ни у кого не отнимала.

Пауза.

МАССАЖИСТКА: Тамара Леонидовна, вот вы — актриса...

ХОЗЯЙКА (*усмехается*): Допустим.

МАССАЖИСТКА: Что значит — допустим?

ХОЗЯЙКА: Хорошо. Я — актриса. И что?

МАССАЖИСТКА: Вы всю жизнь играете разных женщин. И практически все истории — про любовь. А вы сами в нее верите?

ХОЗЯЙКА: Леночка, если бы я не верила, если бы сама не любила, — неужели я могла бы играть?

МАССАЖИСТКА: Тогда почему вы говорите: "хищница", "увела"?.. Я не хищница. Я влюбленная женщина. Да, влюблена, как кошка. Кошка, а не тигрица... Забавно, да? С точки зрения зоологии — одно семейство. Кошки. А разница огромная...

ХОЗЯЙКА: Ты считаешь? По-моему, разница только в размере. Кошка — тоже хищник. И для мышки она — все равно что для человека тигр...

МАССАЖИСТКА (*задумчиво*): Кошки... мышки... забавно.

Пауза. Обе молчат.

МАССАЖИСТКА: Я люблю Славика. Когда шла брать у него интервью, думала — дитя, избалованное знаменитыми родителями. А оказалось — издерганный парень. У которого начинало стучать сердце, когда он слышал шаги пьяного отца в парадном. Потом его пополам порвали разводом. Вы достали своей ревностью — не дай бог он повидается с отцом, пойдет на юбилей! А то, что он свой бизнес завел, с его нервами... А в бизнесе без нервов нельзя — вы это знаете. Для вас важно только одно: в каких он отношениях с Платоновым. Да и раньше, когда он был маленький...

ХОЗЯЙКА: Что — раньше?

МАССАЖИСТКА: Платонов — на гастроли, вы — на съемки. А воспитывала Славика ваша сестра. У которой своих детей не было. Один ребенок на две семьи... Может, ваша сестра догадывалась, что он ей — не племянник, а сын ее мужа?..

ХОЗЯЙКА: Не думаю.

МАССАЖИСТКА: Вы уверены?

ХОЗЯЙКА: Практически да.

МАССАЖИСТКА: Ну, вам виднее... *(Пауза.)* А я люблю Славика. И хочу быть с ним.

ХОЗЯЙКА: Быть? Один философ вопрос "Быть или не быть?" заменил на "Быть или иметь?".

МАССАЖИСТКА: В случае со Славиком для меня это одно и то же.

ХОЗЯЙКА: Лена, а если бы диктофон не выпал? Если бы вы сделали мне массаж — и благополучно ушли? А через месяц Славик решил бы меня познакомить со своей будущей женой... И оказалось бы, что ты недавно была у меня — почему-то как массажистка. Ты об этом подумала?

МАССАЖИСТКА: Подумала. Я бы пришла к вам... Не с пустыми руками *(делает жест в сторону своей сумки)*, и мы бы обо всем договорились... Как сегодня.

ХОЗЯЙКА: Прости, сейчас мне начинает казаться, что не ты, а я схожу с ума. Славик уходит к тебе, а потом на страницах журнальчика появляется вся эта грязь? Выдуманная, невыдуманная, но — грязь! Подписанная твоей фамилией? Или ты спрячешься за псевдонимом? Может быть, редакция поставила еще одну задачу? Написать материал, что чувствует человек, когда узнает, что его отец — не его отец. Что его мать — хищница, которая увела чужого мужа. Или это доставит тебе удовольствие?

МАССАЖИСТКА: Да нет. Я не садистка. И не мазохистка. Если у нас со Славиком все сложится — никакой статьи не будет. Из редакции уволюсь.

ХОЗЯЙКА: А если не сложится?

МАССАЖИСТКА: Тогда статья выйдет... Свои чувства надо защищать, как свой дом и кошелек в кармане. Иначе они ничего не стоят. *(Раздается звонок мобильного. Хозяйка достает из кармана халата телефон.)*

ХОЗЯЙКА: Да. Ты уже подъезжаешь? Что? *(Долгая пауза.)* Нет, почему? Я рада... Конечно. Одумался?... Лучше поздно, чем никогда. Наверное, так будет лучше. Почему "наверное"? Не знаю. Вырвалось. Жду.

Она отключает телефон и прячет его в карман. Поворачивается к Массажистке.

Лена, присядь, пожалуйста. У меня для тебя тоже есть новость!

МАССАЖИСТКА: Которую нельзя выслушать стоя?

ХОЗЯЙКА: Сидя тебе будет удобнее. (*Продолжает не торопясь, вы-
деляя каждое слово.*) Славик. Едет. К отцу. К Платонову... На юбилей... Со
своей. Женой. Так что тебе торопиться некуда.

МАССАЖИСТКА: Эту новость я бы пережила на ногах. Ей три дня.

ХОЗЯЙКА: Тогда я начинаю понимать, почему ты здесь. Решила за-
кончить скандальный материал?

МАССАЖИСТКА: Логично. Все начатое нужно завершать.

ХОЗЯЙКА: Сегодня юбилей. Пройдет неделя, ну две, — и статья бу-
дет неактуальна.

МАССАЖИСТКА: До тех пор, пока вы с Платоновым в конфлик-
те, — актуальность останется.

ХОЗЯЙКА: Лена, а может, такой скандал никому не нужен? Если
садистских наклонностей у тебя нет... может, есть смысл обсудить бюджет
твоего предложения? Материальную составляющую скандала.

МАССАЖИСТКА: Порядочный журналист продается один раз. Так
что — вы опоздали... А поход с женой на юбилей — одно из ее условий раз-
вода. Впрочем, и мне нужен не скандал, а Славик. Не переживайте за пуб-
ликацию. Нас с вами в школе обманывали: не все тайное становится явным.

ХОЗЯЙКА: И как ты себе представляешь?.. Встречаясь на семейных
обедах, мы будем делать вид, что ничего не было?

МАССАЖИСТКА: Да. У нас с вами станет больше общего. Кроме
любви к Славiku будет общая тайна. Вы же любите хранить тайны. Может,
и мне понравится. А пока — я иду в театр. Одна. Купила билет. (*Достаёт из
сумочки билет, показывает Хозяйке.*) Хочу досмотреть историю до конца.

ХОЗЯЙКА: Это тоже по заданию редакции?

МАССАЖИСТКА: По личной инициативе.

Раздается звонок в дверь.

ХОЗЯЙКА: Посидите, я сейчас открою. Это, наверное, сестра.
*Хозяйка выходит в коридор. Лена подходит к окну, выглядывает на улицу.
Хозяйка возвращается в комнату с красивой женщиной, фотографии
которой развешаны по комнате.*

ХОЗЯЙКА: Тома, познакомься. Это Лена. Она пришла вместо На-
дежды. Замечательная массажистка. Шея уже не болит. Правда, сердце
колоть начало. Но это от другого... Лена — поклонница твоего таланта.
Правда? Познакомься с Тамарой Леонидовной.

Ошарашенная Лена молча кивает.

ТАМАРА (мимоходом): Здравствуйте... Таня, ты еще не собралась?

И в маске!.. Мы же не на карнавал. Давай, скорее. Что за день? В пробку попала, потом лифт на шестом этаже остановился. Минуту простоял. Ну, думаю, всё... Привет послу... Я пока переоденусь. (*Уходит в другую комнату.*)

ТАТЬЯНА: Леночка, сколько я вам должна?

МАССАЖИСТКА (*смотрит на Хозяйку, опускается в кресло, молчит, затем цитирует*): "Итак, она звалась Татьяной... Ни красотой сестры своей, ни свежестью ее румяной не привлекла б она очей"... Предупреждать надо... Татьяна Леонидовна. У вас минеральной водички не найдется?

ТАТЬЯНА: Ну... дотошная журналистка... Что же ты не выяснила, что у меня в квартире ремонт, и я уже две недели у сестры живу? А потом, не только тебе нравится играть в кошки-мышки... Так сколько я тебе должна?

МАССАЖИСТКА: За что?

ТАТЬЯНА: Тебе виднее.

МАССАЖИСТКА: Первый сеанс в рекламных целях делаю бесплатно.

ТАТЬЯНА: Договорились. Рассчитаемся после второго. А сейчас извини, мы действительно торопимся. Диктофон не забудь. Помогает... от отложения. Давай вместо минералки вино допьем. Нехорошо, когда в бокалах остается.

Берут бокалы.

ТАТЬЯНА: Чокнемся на прощание.

МАССАЖИСТКА: Чокнуться? С вами? Запросто.

Чокаются. Массажистка допивает вино и уходит. Хлопает входная дверь.

Из соседней комнаты появляется Тамара в вечернем платье.

ТАМАРА: А почему Надежда Михайловна не пришла?

ТАТЬЯНА: Грипп, кажется. (*Берет с гладильной доски платье.*) Пойду переодеваться. (*Выходит.*)

Тамара берет лежащие на столе бумаги и читает вслух. Отдельные фразы повторяет несколько раз с выражением.

ТАМАРА: "Я уже пять дней не курю. И ты не поверишь — не тянет. Помнишь притчу? Жил человек, курил много. Так и умер с сигаретой в руке, не успев прикурить. Попал в рай. Но сигарету выбрасывать жалко, а в раю не прикуришь. Заскочил на минутку в ад. Спрашивает у чертей: "Ребята, где тут прикурить можно? Что-то я огня не вижу". Те смотрят с удивлением и отвечают: "А ты что — не знал? В аду огня нет". — "Как — нет? Ад — и без огня?" — "А сюда каждый со своим приходит", — отвечают черти. И смеются. Нехорошо смеются...

А ты представь себе, как еще черти могут смеяться... Жизнерадостно?

Так вот, я свой огонь минеральной водичкой тушу. В надежде, что погаснет. Пока не получается... Я и письмо пишу, чтобы стало легче. Психоналитики советуют писать, — если обсуждать проблему не с кем.

...Кто-то из нас должен был умереть. Почему я решила на это? Наверное, надоело быть жертвой. Я ведь не знала, что палачи мучатся еще сильнее. Наверное, поэтому жертв больше. А если честно, то до последнего момента я не верила, что сделаю это. А когда решила, какое-то время — почти целый день — ощущала пустоту. Внутри и вокруг. Наверно, так превращаются в палача. А потом — хуже и хуже. И самое страшное — не могу вернуться назад, как бы я этого ни желала. Необратимый процесс... Кажется, что устранишь то, что ломает твою жизнь. А в результате делаешь ее невыносимой. Необратимой... Необратимая жизнь. Чушь. Наступает смерть — и все поворачивается вспять... Мысли о ней не оставляют меня. Лишь эти мысли и отвлекают меня от душевной боли. Самой страшной из всех, которые мне довелось когда-то испытать... А черти смеются и говорят, что нет огня...

Прыгнуть со скалы? Ужасно представить, как я буду выглядеть после этого. Выстрелить из пистолета? В сердце — можно промахнуться. В голову — вид будет не лучше, чем после падения в пропасть. Бритва? С детства боюсь крови. Таблетки? Промоют, и опять все по новой... Газовая плита? Но здесь все на электричестве"...

Татьяна заходит в комнату — в вечернем платье. Садится перед зеркалом и начинает краситься. Тамара за ее спиной тоже рассматривает себя в зеркало, потом поворачивается к Татьяне спиной и поправляет прическу.

ТАМАРА: Тань, посмотри, как сзади? Ровно?

ТАТЬЯНА (смотрит): Все нормально. А что?

ТАМАРА: Да они сегодня умом тронулись. Включили в парикмахерской телевизор, там интервью с Платоновым. Все устались. Ольга стрижет — а сама на экран смотрит. И все ждут, как я буду реагировать. А я — молчу. Глаза закрыла — и молчу. Слушаю. Про мэра, который с бочонком меда придет. Он бы лучше пробки на дорогах разводил, а не пчел... Назад ехала — полчаса стояли!

ТАТЬЯНА: Застегни, пожалуйста. *(Поворачивается спиной к Тамаре, та застегивает змейку.)*

ТАМАРА: Ну что, готова?

ТАТЬЯНА: Сейчас. *(Складывает в сумочку помаду, расческу.)*

ТАМАРА: Давай скорее. Шведы — товарищи пунктуальные, ты же знаешь. Кстати, сказали, что будет замминистра.

ТАТЬЯНА: Щербаков?

ТАМАРА: Нет, Ильин.

ТАТЬЯНА: А-а, Василий... Когда Сергей был первым секретарем в Брюсселе, Ильин был атташе по культуре.

Тамара видит на столе бокалы, бутылку и вазу с печеньем.

ТАМАРА: Что у тебя тут?.. Есть хочу ужасно! Поехали! За что люблю шведов — у них самая вкусная селедка. *(Берет печенье.)* Нет, не буду аппетит перебивать. *(Кладет печенье в вазочку.)* А с чего это — два бокала? Вы с массажисткой выпивали?

ТАТЬЯНА: По глотку — за знакомство. *(Показывает на бумаги.)* Как тебе последний кусок? С утра переводила. По-моему, хорошо. Зря ты сомневалась. Эта пьеса как для тебя написана. Я перевожу — и слышу твой голос.

ТАМАРА: Когда ты мне сюжет обрисовала, мне показалось очень мрачно... А теперь вижу, что история внятная. Черно-белая... Как старые фотографии.

ТАТЬЯНА: Знаешь, я недавно наши фото перебирала... Мы с тобой в школе. На елке... В одинаковых платьях и масках — помнишь?

ТАМАРА: Конечно!

ТАТЬЯНА: Мне нравилось, что костюмы одинаковые, и все нас путают...

ТАМАРА: Нас не путали. Даже на маскараде. Потому что у тебя тогда пластинка на зубах была.

ТАТЬЯНА: Да, точно... Поэтому я старалась не улыбаться. *(Пауза.)* А еще нашла фотку смешную — мы вдвоем с Платоновым. Я почему-то в его шляпе, а у него на шее мой шарфик... Шелковый, в цветочек.

ТАМАРА: Не помню.

ТАТЬЯНА: Было-было... Кажется, на мой день рождения дурачились.

ТАМАРА: Да, ты с Платоновым любила фотографироваться.

ТАТЬЯНА: А ты с Сережей — нет?

ТАМАРА: Только на твоей свадьбе.

ТАТЬЯНА: Неправда. Я другое фото нашла. Хочешь, покажу?

ТАМАРА: Конечно.

Татьяна выходит из комнаты. Тамара подходит к зеркалу, открывает шкатулку, достает цепочку с кулоном, прикладывает к груди. Кладет цепочку обратно, перебирает содержимое шкатулки, выдвигает ящички шкафа — один, второй. Из третьего достает пистолет.

В комнату входит Татьяна с фотографией в руке. К ней поворачивается Тамара с пистолетом.

ТАМАРА: Таня, что он здесь делает? Я же его в письменном столе держу.

ТАТЬЯНА: Не знаю... А! Я в столе блокнот искала, нашла пистолет, хотела рассмотреть, а потом кто-то позвонил, я отвлеклась... И положила не туда.

ТАМАРА: Ты поаккуратнее. Оружие все-таки.

ТАТЬЯНА: Да, знаю. Газовый, после него целый день квартиру проветривать.

ТАМАРА: Он не газовый, а боевой.

ТАТЬЯНА: Да?!..

ТАМАРА: Платонову один генерал подарил, по пьянке. Я сразу отняла и спрятала.

ТАТЬЯНА: Он заряжен?

ТАМАРА: Конечно. Я же одна живу. У нас в прошлом году к соседям воры пытались влезть — ночью, когда хозяева дома спали, представляешь?! Я тогда зарядила и на предохранитель поставила. Вот, видишь? *(Тамара несколько раз щелкает предохранителем. Потом убирает пистолет в ящик стола.)*

ТАТЬЯНА: Интересно, очень интересно.

ТАМАРА: Так что за фото? Покажи.

Татьяна протягивает Тамаре снимок. Та рассматривает фотографию.

ТАМАРА: Где это мы?

ТАТЬЯНА: Не помню. В Сочи или...

ТАМАРА: В Ялте. На набережной. Славiku здесь пять... Или шесть?

ТАТЬЯНА: Знаешь, я недавно вдруг заметила, что у него некоторые привычки — точно как у Сережи. Например, когда нервничает — начинает браслет на часах расстегивать и застегивать. Говорит — и при этом щелкает... А еще когда из дома выходит, перед зеркалом причешется, пиджак поправит и почему-то обязательно покашляет, будто речь говорить собирается... И только потом от зеркала отходит. Ты не обращала внимания?

ТАМАРА: Нет, не замечала.

Тамара достает из шкафа шаль, становится перед зеркалом и набрасывает ее то на одно, то на другое плечо. Бросает шаль на кресло, достает шелковый шарф, набрасывает его на плечи.

ТАТЬЯНА: Удивительно... Я думала, какие-то жесты от родителей детям передаются, так сказать, по наследству. Но Сергей Славiku — не кровная родня...

ТАМАРА: Это, наверное, потому что Славик у вас в доме практически вырос. Когда каждый день человека видишь, начинаешь его копировать, и даже сам этого не замечаешь... Тая, что лучше — шаль или шарф?

ТАТЬЯНА: Не знаю... Надень шаль. *(Пауза.)* Вообще, Славик больше на тебя похож, чем на Платонова.

ТАМАРА: Глаза — его. Нос — мой.

ТАТЬЯНА: Да, глаза голубые... У обоих.

ТАМАРА: Я была бы рада, будь он меньше похож на своего папу. С его милой откровенностью... Платонов за эту неделю сто интервью раздал!.. *(Резким движением отбрасывает шарф.)* Нет, и шаль — плохо, и шарф... *(В голосе — слезы.)*

ТАТЬЯНА: Тома, ты что?..

ТАМАРА: Достали все эти передачи, статьи... *(Она нервно выдвигает и задвигает ящики письменного стола, шкафа.)*

ТАТЬЯНА: Что ты ищешь?

ТАМАРА: Сигареты.

ТАТЬЯНА: Ты же бросила.

ТАМАРА: Я помню. Но сейчас хочу курить. У тебя есть?

ТАТЬЯНА: Я в последний раз курила... лет семь назад.

ТАМАРА: Значит, нет?

ТАТЬЯНА: Шутишь?

ТАМАРА: А у меня точно где-то есть. Славик недавно на кухне кофе искал и нашел пустую банку, а в ней — полпачки. На черный день.

ТАТЬЯНА: На место положил?

ТАМАРА: О! Сейчас проверю.

Тамара выходит из комнаты. Татьяна подходит к шкафу, достает из ящичка фотографию, оставленную Леной.

ТАМАРА (кричит из кухни): Нашла! А спички?

ТАТЬЯНА (громко): У меня нет! *(Прячет фотографию между книг.)*
В комнату возвращается Тамара. В руке у нее дымящаяся сигарета.

ТАМАРА (кладет на стол начатую пачку сигарет, присаживается к столу, придвигает к себе пепельницу): Идиотизм. В доме нет спичек!

ТАТЬЯНА: И как же ты?

ТАМАРА: От электроплиты.

Пауза.

ТАТЬЯНА (тоже присаживается к столу, рассматривает семейное фото): Тома, сейчас такие мастерские есть — там старые снимки реставрируют... Давай эту карточку увеличим и на стену повесим? Я с Сережей и ты с Платоновым...

ТАМАРА: Таня, ты что? Мы с ним — на стену?.. Ты скажи спасибо, что я не все его снимки выбросила! Что-то оставила... Для внучки. Лежат в шкафу. Но любоваться ими — извини!..

Пауза.

ТАТЬЯНА: Тома, я хотела сказать...

ТАМАРА: Что случилось?

Пауза.

ТАТЬЯНА: Давай пойдем в театр.

ТАМАРА: В какой? На что?

ТАТЬЯНА: На юбилей. К Платонову.

ТАМАРА: Таня, ты что? С чего это я туда поеду?

ТАТЬЯНА: А почему нет? Очень удачно. Новую жизнь обычно с понедельника начинают. А ты — с круглой даты! Юбилей — хороший повод помириться.

ТАМАРА: Таня, что с тобой? Что произошло, пока я была в парикмахерской? Ты же еще вчера... еще сегодня утром телевизор переключала, когда про него говорили!

ТАТЬЯНА: Ну, переключала... А потом села и подумала...

ТАМАРА: Куда это ты села?

ТАТЬЯНА: А может, мне такой массаж сделали — кровообращение улучшилось, мысли новые появились... Тома, ты сама подумай, столько лет прошло...

ТАМАРА (перебивает): Сколько лет? Все как вчера. Ты забыла?

ТАТЬЯНА: Нет, ничего не забыла.

ТАМАРА: Ну, тогда помнишь, как таблетки от меня прятала, как меня "скорая" с порезанными венами увозила... Таня, ты меня всегда поддерживала. Объясни, что за эти два часа произошло? Может, Платонов тебе позвонил? По телевизору обратился? Или Славик что-то сказал? Он идет к своему папе — и пусть идет!.. *(Пауза.)* Таня, ты сама всегда говорила: измену простить можно, а предательство — никогда.

ТАТЬЯНА: Да. Если бы еще научиться отличать одно от другого...

ТАМАРА: А что это, по-твоему? Не предательство? Я его из провинции в Москву вытащила, а потом Сережа твой, светлая ему память, его проталкивал, прописку сделал... И из этой истории с "белочкой" Платонова вытащил. Да он без нас был — ничто! Его без нашей семьи просто не было! Спился бы в своем Куйбышеве... Мне после развода пришлось из театра уйти, где я двадцать лет проработала! А он свою провинциалку в театр привез и стал из нее звезду делать. Сколько лет от акцента избавлялась! Народная артистка... Все вокруг народное, все вокруг мое...

ТАТЬЯНА: Томочка, все так... Но давай честно: Платонов — прекрасный артист. Да, мы ему помогали. Но остальное-то — талант, талант... Тома, все, что было, — это кусок нашей жизни... Он прошел... Может, поста-

вить точку? В конце концов, у вас внучка общая. Как ей объяснить, почему с бабушкой про бабушку говорить можно, а с бабушкой про дедушку — нельзя? Почему она не может с вами обоими погулять, мороженое поесть? Можно только по очереди... А Славик? Сколько он еще будет мучиться?

ТАМАРА: Да брось! Славик — не ребенок, ему не грозят детские комплексы "кто правее — мама или папа"...

ТАТЬЯНА: Откуда ты знаешь? Может, его это до сих пор мучит? Помнишь, как он в детстве на вопрос "Кого ты больше любишь?" всегда отвечал: "Маму-папу. Папу-маму". Он в последнее время звонить перестал, заезжает реже, потому что тебя одно волнует: пойдет он на юбилей или нет. И ты каждый раз об этом разговор заводишь...

ТАМАРА: Уже не завожу. Юбилей, считай, прошел.

ТАТЬЯНА: Пройдет. А жизнь на этом не закончится. Тома, сколько лет ты еще будешь играть жертву?

ТАМАРА: Играть???

ТАТЬЯНА: Ну, извини, извини, я не так сказала... Конечно, ты не играешь... И все-таки — пора простить.

ТАМАРА: Странно. Очень странно. Ты сама мне десять лет говорила: такое простить нельзя.

ТАТЬЯНА: А теперь понимаю, что простить можно все.

ТАМАРА: Что ты можешь в этом понимать? Вы с Сережей жили душа в душу. Идеальная пара. Тебе прощать было нечего.

ТАТЬЯНА: Откуда ты знаешь? Хотя... что-то ты знаешь. Но, поверь мне, не все.

ТАМАРА: Я знаю, что простить можно все — кроме убийства и предательства. А Платонов меня предал!

ТАТЬЯНА: А ты его? Никогда не обманывала?..

ТАМАРА: Я? Обманывала. Еще как!.. Когда он выпить хотел, а я водку прятала и говорила, что в доме денег нет. И все деньги к тебе отвозила. Помнишь?

ТАТЬЯНА: Я не об этом.

ТАМАРА: А о чем???

ТАТЬЯНА: Ладно, извини... *(Пауза.)* Тома... а может... ты его до сих пор любишь?

Долгая пауза.

ТАМАРА: Конечно, люблю. И всегда любила. Помню, как подходил ко мне и клал голову на плечо. А потом тихонечко целовал. Не в губы, а в щеку, как ребенок. И был самым родным.

ТАТЬЯНА: В щечку целовал... А потом пил и... И вообще.

ТАМАРА: Не деликатничай... Гулял... Устраивал ночные репетиции и читки. Думаешь — не знала? Знала. Но я в свое время поняла, что чувства — это одно, а поведение — другое. Мы все-таки любили. По-настоящему. Хотя орали, посуду били... Чувства — пять, поведение — два... Пока не появилась эта провинциальная актриса. Я сразу поняла... Вести себя можно прилично, а чувства не обманешь. Даже если ты народный артист.

ТАТЬЯНА: Он тебе сам признался?

ТАМАРА: Покаялся. Думал, что из палача превратится в жертву. Практически получилось.

ТАТЬЯНА: Почему практически?

ТАМАРА: Потому что я пустила ему пулю в лоб.

ТАТЬЯНА: Какую пулю?

ТАМАРА: Из пистолета. (*Кивает на письменный стол, куда убрала пистолет.*) Но, к счастью, промахнулась. По неопытности...

ТАТЬЯНА: Ты в него стреляла? Где?

ТАМАРА: Как положено в романах — в спальне...

ТАТЬЯНА: И что он?

ТАМАРА: Не согласишься — рассмеялся.

ТАТЬЯНА: А ты?

ТАМАРА: Я ушла в ванную, заперлась и проплакала там до утра.

ТАТЬЯНА: А пуля?

ТАМАРА: Достали. Стенку зашпаклевали.

ТАТЬЯНА: А пистолет?

ТАМАРА: После этого его уже Платонов спрятал. Два года назад случайно нашла. В старой коробке от обуви.

ТАТЬЯНА: Ты мне никогда об этом не рассказывала.

ТАМАРА: О таких вещах не рассказывают, пока все не перегорит. А у меня до сих пор тлеет...

Тамара достает из пачки еще одну сигарету и прикуривает от первой.

ТАТЬЯНА: Тома, зачем ты...

ТАМАРА: От плиты прикуривать трудно.

Пауза.

Таня, ты поставь себя на мое место. Представь, как это — все забыть, взять букет и пойти его поздравлять. После такого...

ТАТЬЯНА: А я ставлю себя на твое место. И сейчас, и раньше... И тогда, когда ты стояла на сцене и принимала букеты. Красивая и счастливая, в славе и аплодисментах. Я тогда тебе, наверное, по-доброму завидовала.

А потом представляла себя на твоём месте, когда Валентин пил... Я-то видела, какая она у вас, счастливая семейная жизнь. Знала о том, что другие не видели. И жалела тебя. А сегодня так получилось... Пришла эта девочка, массажистка, а я была в маске. Она мне: "Тамара Леонидовна, Тамара Леонидовна"... Стала рассказывать, как на мои... твои, конечно... спектакли ходила, как ей понравилась "Чайка"... Ты извини, но я не стала ей возражать. Не сказала, кто я. Так что, прости, но я почти час была на твоём месте.

ТАМАРА: Интересно. И что же ты ей рассказывала?

ТАТЬЯНА: Примерно то же, что и ты в своих интервью.

ТАМАРА: А она тебе?

ТАТЬЯНА: Сначала восторгалась твоей-моей игрой, а потом... (*Пауза.*) Сериал пересказывала. Знаешь, в пересказе они интереснее, чем на экране. (*Пауза. Татьяна тоже достаёт из пачки сигарету.*)

ТАМАРА: Таня!..

ТАТЬЯНА: Да ладно...

Тамара протягивает Тане свою сигарету, та прикуривает от нее.

ТАМАРА: Все равно — не представляю, как... Все знают, как мы расставались. Эти газетенки наш развод до-о-олго смаковали. А теперь — как? Сегодня в театре все телевидение...

ТАТЬЯНА: Вот и отлично! Шума наделаешь! О чем им писать? Все уже сказано и сто раз пережевано. А тут — ты! Красавица! Сядем в зале...

ТАМАРА: Куда сядем-то? Пригласительных нет.

ТАТЬЯНА: Славик свои отдаст. Ради такого случая постоит. А потом ты на сцену выйдешь, с цветами.

ТАМАРА: Не пустят. Я не в сценарии.

ТАТЬЯНА: Тебя? Пустят! Без сценария. Уж поверь, внимания будет больше, чем остальным гостям.

Тамара молчит. Тушит окурок в пепельнице. Продолжает после долгой паузы.

ТАМАРА: Я есть хочу... В посольстве фуршет прямо сейчас, а в театре банкет часа через четыре, не раньше...

ТАТЬЯНА: Тома, давай я бутерброды сделаю.

ТАМАРА: Да ладно! Потерплю. Хотя... Тань, может, по пятьдесят, для храбрости?

ТАТЬЯНА: Конечно! (*Достаёт ещё один бокал, хочет налить вина.*)

ТАМАРА: Нет, давай коньяк.

ТАТЬЯНА: Хорошо. (*Достаёт коньяк, наливает.*)

ТАМАРА: А в посольстве — селедка...

ТАТЬЯНА: Томочка, ну не будешь же ты после коньяка — селедку... Я своего писателя попрошу — он для тебя из Стокгольма банку пришлет!

ТАМАРА (*поднимает бокал*): Ну... Зачем пьем — понятно. А за что?

ТАТЬЯНА: За победу!

ТАМАРА: Чью?

ТАТЬЯНА: Разума над чувствами.

ТАМАРА: Красиво!

Чокаются и выпивают.

ТАМАРА: Нет, Таня. Я не поеду. Такие решения на бегу не принимаются.

ТАТЬЯНА: Тогда давай монетку бросим. Пусть это решение примут за нас. Помнишь, как бросали, когда Сергей за нами ухаживал?

ТАМАРА: Не помню.

ТАТЬЯНА: Ну как же! Он позвонил, сказал, что взял билеты на "Юнону и Авось". В этот вечер родители из отпуска возвращались. Они ключи с собой не брали, надо было кому-то дома остаться, встретить. Мы с тобой монетку бросили. Выпало мне в театр иди.

ТАМАРА: Давай. Орел — в посольство. Решка — в театр.

Татьяна достает из сумочки кошелек, вынимает монетку, бросает ее.

ТАМАРА: Решка. Опять по-твоему. Везучая.

ТАТЬЯНА: Не то слово...

Тамара подходит к зеркалу, поправляет прическу, красит губы.

Рассматривает себя.

ТАМАРА: Кажется, я поскромничала... Может, мне что-нибудь поярче надеть?

ТАТЬЯНА: По-моему, все отлично. Жемчужно-серый — элегантно, стильно...

ТАМАРА: Нет! Ты права — мы сегодня будем... этим... гвоздем вечера? Хитом? (*Нервно смеется.*) Бомбой! Так что — выглядеть надо соответственно!

Тамара выходит из комнаты. Татьяна сидит за столом. Делает очередную затяжку и замечает, что сигарета почти докурена. Она достает из пачки новую и прикуривает от первой.

Возвращается Тамара — в другом платье, темно-красном, с блестящей отделкой.

ТАТЬЯНА: Бомба!

ТАМАРА: Правда? (*Вертится перед зеркалом. Потом как-то сникает.*) Таня, я все-таки не знаю...

ТАТЬЯНА: Тома!..

ТАМАРА: Ну, хорошо. Давай так: доедем до площади и посмотрим, на каком перекрестке будет зеленый свет. Если в сторону посольства — едем туда. Если к театру — пойдем на юбилей. Всё! Не возражай. Пошли.

ТАТЬЯНА (*роется в сумочке, достает косметичку, открывает ее*): Тома, ты спускайся в машину, я сейчас... Помаду забыла. (*Ищет возле зеркала, снова в косметичке.*) Иди, я догоню.

Тамара идет к выходу. Останавливается в дверях.

ТАМАРА: Выпусти Гошу полетать. Только форточки проверь.

ТАТЬЯНА: Ладно.

Тамара выходит.

Татьяна садится на стул, на котором сидела во время массажа, морщится, крутит шей, растирает ее. Потом закрывает глаза и сидит некоторое время неподвижно. Затем встает, подходит к столу, достает пистолет, несколько раз щелкает предохранителем. Кладет пистолет на стол, подходит к шкафу и достает из-за книг фотографию Платонова и Тамары, которую оставила Лена. Она рвет ее на кусочки, все мельче и мельче.

В этот момент из клетки раздается голос попугая:

— Таня любит Тома! Тома любит Таню!

Татьяна открывает форточку, выкидывает в нее обрывки фотографии.

Потом возвращается к столу и, подержав некоторое время пистолет, убирает его в ящик.

Попугай снова кричит:

— Тома любит Таню!

Татьяна открывает окно, берет клетку и выбрасывает ее. Закрывает окно, форточку. Затем, взяв сумочку, выходит из комнаты.

Одесса, декабрь, 2008

